

6. Острикова Г.Н. Лексико-семантическая симметричная энантиосемия (на материале немецкого языка) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион, 2010. – № 1(155). – С. 144 -148.
7. Острикова Г.Н. Лексико-семантическая симметричная энантиосемия с конверсивной противоположностью значений (на примере немецкого глагола *borgen*) // Научная мысль Кавказа, 2010. – № 2. – С.154 – 158.
8. Острикова Г.Н. Симметричная энантиосемия с контрарной противоположностью значений (на примере немецкого прилагательного *schön*)// Вестник ПГЛУ, 2010. – № 2. – С. 70 – 74.
9. Острикова Г.Н. Симметричная энантиосемия с комплементарной противоположностью значений (на примере немецкого глагола *überlesen*)//Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2010 – № 4. – С. 91 – 100.

А.П. Пересыпкин
г. Белгород, Россия

СПЕЦИФИКА МЕХАНИЗМА «ГЛУБИННОЙ СЕМАНТИКИ» ПРИ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

Обращение в рамках предлагаемой статьи к известному явлению вторичной номинации вызвано появлением достаточно новых подходов к изучению прагматического аспекта этого лингвистического феномена. В теории номинации подробно описан механизм вторичного наименования, который базируется на таких стилистических явлениях, как метафора, метонимия, эвфемизм, гипербола, табу и пр. Чаще всего причина этого явления объясняется «семантическим изнашиванием» определенных лексических единиц. Во избежание «усталости» от привычных форм пользователи языка целенаправленно заменяют их новыми. Несмотря на продолжительную историю этой проблемы, за пределами рассмотрения (в духе традиционного языкознания) чаще всего остаются вопросы предназначения и функциональной сферы вторичных имен, а также механизм их «глубинной» семантики.

Для успешного проникновения в эту семантическую сферу целесообразно остановиться на предварительном рассмотрении понятий «языковой символ» и «эталон», которые релевантны дальнейшему развитию теории изучения вторичной номинации.

Известно, что для вербальных форм отражения окружающей действительности значимо использование материальных образных объектов или их групп в качестве символических посредников репрезентации определенного абстрактного смысла. В основе знакового отображения абстрактных смысловых значений лежит идея о возможности свертывания информативного содержания в образе. Кодирование в знаковых системах, представляясь удобным способом имплицитирования желаемой информации, направлено на облегчение условий поиска и адекватной реализации обратного процесса в условиях вербальной коммуникации. К примеру, бытовая символика не требует от индивида духовного или мыслительного напряжения, связанного с кодированием/декодированием семантического содержания языкового знака.

Особенность невербальных образов (т.е. символов) состоит в их способности пробуждать духовный потенциал воспринимающего субъекта. Т.В. Симашко приводит следующее замечание Э.Б. де Кондильяка, полагавшего, что «в языке долгое время не было других слов, кроме названий, данных чувственно воспринимаемым предметам, таких слов, как дерево, плод, вода, огонь и другие, произносить которые чаще представлялся случай... По мере того, как люди становились способными анализировать, размышляя о различных восприятиях, имевших место в их душе, они придумывали знаки для более простых идей. Когда у них имелась, например, идея дерева, они создавали идеи ствола, ветви, листа, зелени и т. д. Затем начали постепенно отличать различные чувственно воспринимаемые качества предметов, замечая обстоятельства, при которых они могли встречаться, и создавали слова для выражения всего этого... Когда обстоятельства заставили обращать внимание на новые объекты, тогда искали то, что у них было общего с объектами, ранее известными, относили их к этому же классу и пользовались одними и теми же названиями для обозначения и тех, и других. Таким

образом, идеи знаков становились более общими, но это происходило лишь мало-помалу, до самых абстрактных понятий доходили лишь постепенно» [Кондильяж, 1, 1980: 229; 237].

Основным признаком невербальных символических форм является их статичный характер. При этом следует иметь в виду, что символ – это застывший образ, который наделен закрепленным за ним значением, поиски которого хотя и могут занимать у индивидуума какое-то время, но ничего не прибавляет к его знаниям о себе или окружающей его действительности. Это значение «не обладает когнитивным смыслом» [Глазунова, 1996: 65]. Невербальные символы, базирующиеся на определенных образах, ведут образную основу «в сторону стабилизации формы» [Арутюнова, 1999: 337].

Обратную позицию занимают языковые символы, которые наоборот ведут образ в сторону смысла. Обладая способностью концентрировать информацию в образе, они ориентируются на эмоциональную сторону восприятия человеком действительности. В отличие от материальных символов эти единицы имеют ряд существенных особенностей. Если невербальный символ представляет собой статичный визуальный образ, подстановочный элемент, воплощающий чувственную сторону человеческого сознания, то языковой символ обладает способностью создавать новые смысловые значения и, следовательно, апеллирует не столько к чувствам, сколько к разуму. Так, не символическое маркирование, а поиск средств, позволяющих преобразовать наши знания и представления о предмете мысли, составляют потенциал значений языковых символов. «Языковой образ не тождественен чувственно-предметному образу: первый можно «увидеть» только внутренним взором, второй – отражение в нашем сознании реального предмета» [Алефиренко, 2003: 47].

Существенным отличием символа от разного рода стилистических фигур является его повторяемость. Символ способен актуализировать древние образы и представления, постоянно возникающие в сознании индивида и имеющие распространение в культуре, за которыми возникают картины «коллективного бессознательного» творения (мифология, сказания, фольклор и т. п.). Заметим, что в ходе осмысления предметов реальной действительности в сознании носителей языка наряду с сигнификативным понятием, отражающим их сущностные характеристики, присутствует коннотативное содержание, обуславливающее ассоциативное соотнесение предмета с закрепленным за ним предикативным (ассоциация по смежности) или квалифицирующим (ассоциация по сходству) признаком. Наличие коннотата обеспечивает адекватность восприятия абстрактного понятийного содержания признакового характера на ментальном уровне при его хранении, воспроизводстве и трансформации из одной языковой формы (или из одной языковой системы) в другую. Коннотаты образуют понятийную базу для последующих метафорических и метонимических переносов. Однако, существенным моментом здесь является то, что коннотативное значение языкового символа, как замечает В. Нёт, это не дополнительное значение к прямому денотативному значению слова, а скорее наоборот, главное значение, составляющее основной план содержания этой единицы. [Nöth, 1990: 118].

Таким образом, языковые символы – это культурно-языковые единицы, то есть другой метаязык, связанный с культурными и символическими характеристиками, образующимися путем метафоризации значения. Подобный лексический массив может быть обозначен как «ключевые слова культуры», то есть название класса слов, которые несут в своем значении код к пониманию специфики культуры [Нелюбин, 2003]. А. Вежбицкая в своих работах также указывает на то, что в нейтральных единицах лексикона кроется специфика культуры [Вежбицкая, 1996; 2001].

Именно этот аспект вторичной номинации в определенной мере учитывает современная лингвокультурология.

Так, Г. Токарев (Тула) предложил подойти к объяснению механизма образования вторичных имен с позиций изучения квазиэталонов. По его представлению, квазиэталоны являются «языковыми символами, которые не имеют материального воплощения в культуре, а выступают как референты, замещающие реальное имя идеей» [Токарев, 2003: 148]. Эти единицы выступают во вторичной функции в том смысле, что они, абстрагируясь от материального, начинают представлять абстрактное содержание. В силу этого к понятию «эталон» прибавляется приставка квази- (от латинского quasi), соответствующая по значению

словам «мнимый», «ненастоящий». Эта приставка указывает на специфику семантики подобных лексических единиц, которая состоит в том, что слово в этом значении указывает не на обозначенный предмет (денотат), а на идею, представленную образом предмета. При этом мысль формируется не на основе объективного представления некоего образа, а на основе семиотически переосмысленного видения природы какого-либо образа. В.Н. Телия отмечает, что в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль квазисимвола заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую. Словоизначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не собственный референт слова, а ассоциативно замещает некоторую идею [Телия, 1996: 243 - 4].

Квазиэталон понимается как единица лексического уровня языка с функцией вторичной номинации, формируемая на основе переноса обозначения в процессе метафоризации, метонимизации, установления смежности и тождества признаков. Это – стереотипизированное явление, характерное для любой культуры. Важным является соотношение его с содержанием передаваемой им культурной информации.

В качестве частного замечания следует упомянуть включаемые в состав квазиэталонов нем. *ein lockerer Zahn* (букв. «расшатанный, шаткий зуб») – разг. фам. 'гуляка, ветрогон'. Зубы в таком состоянии очень слабы, ими нельзя есть, они могут сломаться, выпасть. Так и мужчина, ведущий разгульный образ жизни, очень ненадежен в семейных отношениях и прочих делах. Его качает из стороны в сторону, из одного значного места в другое, от одной женщины к другой) и нем. *eine alte Zange* (букв. «старые щипцы») – разг. фам. презр. 'скандальная, злобная баба'.

Если обратиться к этимологии слова *Zahn*, то можно установить очень интересный факт. Это слово датируется 8 в. и восходит к корню и.-е. **dōnt-*, **dnt-* „Zahn“, который представляется партиципной формой и.-е. корня **ed-* „essen“ [EWD, 1989, III: 2003]. Отсюда вытекает семантическое родство существительного с *Zange*. (Последнее этимологически связывается со значением «кусать»: 8 в., дн. *zanga*, свн. *zange*, др. *tanga*; от герм. **tangō* „Zange“, от и.-е. **denə-* „beißen“, то есть „Beißende, Werkzeug zum Beißen“ „кусающийся, инструмент для кусания“ [Kluge, 2002: 13737]). При этом прослеживаются гиперонимические отношения этих лексических единиц: «кусать» (относящееся к характеристике женщины) представляет собой *pars pro toto* более существенного процесса «есть». Таким образом, на уровне исходных семантик существительных прослеживается когнитивное превалирование мужчин над женщинами. Однако аспект системных отношений подобного рода до настоящего времени не исследовался.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта. /Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 95 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Под. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А. Жирмунской. /Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. /Н.Д. Арутюнова. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. – 895 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. /А.Вежбицкая.– М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Вежбицкая Анна. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А.Д.Шмелева. /А.Вежбицкая.– М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
6. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. / О.И.Глазунова, 1996 / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/.
7. Кондильяк де Э.Б. Сочинения: В 3 т. – Т.1. – М., 1980. – С. 229; 237. / Цит. по: Симашко Т.В. Принципы структурирования совокупного знания о мире природы / Т.В. Симашко // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. научн.тр. – Архангельск: Поморский университет, 2007. – С. 90-97.

8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. /Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. /В.Н.Телия. - М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
10. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография. /Г.В. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 232 с.
11. Eco U. Semiotik und Philosophie der Sprache. /U.Eco. – München: Fink, 1985. – 292 S.
12. EWD: Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Leit. W.Pfeifer. – Berlin: Akademie-Verlag, 1989. – Bd.1-3. – 1662 S.
13. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. /F.Kluge/ - 24. Aufl. / Bearb. von Elmar Seebold [elektronische Ausgabe auf CD-ROM]. – Berlin/New York: de Gruyter, 2002.
14. Nöth W. Handbuch der Semiotik /W.Nöth. - 2., vollst. neu bearb. und erw. Aufl. – Stuttgart [u.a.]: Metzler, 2000. – 667 S.

А.В. Полонский,
г. Белгород, Россия

ВОКАТИВ – САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ?

Научный диалог, направленный на осмысление частей речи как важнейших грамматических категорий, развивается давно и отличается особой напряженностью и концентрацией мысли. Об этом свидетельствует не только значительный и постоянно обновляющийся корпус научных работ [Виноградов 1947; Кубрякова 1978, 1997; Милославский 1981; Поспелов 1954; Савченко 1959; Стеблин-Каменский 1974; Супрун 1971; Степанова, Хельбиг 1982; Шелякин 2001; Щерба 1957 Jodłowski 1971; Saloni 1974 и др.], но и существование многочисленных частеречных классификаций. Некоторые из них прочно вошли в современные академические и школьные грамматики и получили статус «традиционных». Тем не менее, как заметил М.И. Стеблин-Каменский, «совершенно очевидно, что распределение слов по частям речи – не результат логической операции, называемой классификацией, поскольку последняя, как известно, подчиняется всем правилам деления общего понятия и, в частности, тому основному правилу, что деление должно производиться по одному и тому же существенному и, конечно, совершенно определенному основанию. Там, где само основание деления неочевидно, нуждается в определении, там, конечно, не может быть речи о классификации в научном смысле слова» [Стеблин-Каменский 1974: 19]. Существующий «список» частей речи сформировался в результате некоторого компромисса между различными точками зрения, однако, как верно отмечает И.Г. Милославский, «принципиально компромиссный характер решений, принимаемых по вопросу о частях речи, приводит к тому, что проблема частей речи относится к числу “вечных” проблем в грамматике» [Милославский 2002: 465].

Непрочность «традиционных» оснований грамматической идентификации слова очевидна, и особенно она заметна с позиций современной, когнитивно-функциональной парадигмы лингвистических знаний [Панов 1999; Мурясов 1999; Кубрякова 2001; Котвицкая 2002; Кобрина 2005, 2008, Marody 1987 и др.], что и побуждает исследователей к поиску новых решений.

При осмыслении проблемы частеречной объективации порождаемых человеком смыслов и значений необходимо учитывать то, что язык – это не только символическая система, но и способ отображения всех мыслимых разновидностей опыта человека [Сепир 2003: 152] и что культура – это протекающий внутри человеческой психики процесс познания, в котором участвуют все повседневные культурные практики человека одновременно [Hutchins 1995: 356].

В процессе освоения многообразного и изменчивого мира и «переложения» его на язык мысли создается адекватный человеку формат концептуальной картины мира, объективируемой в системе языка (языковая картина мира), поэтому анализ языковых категорий, вырастающих из